

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алёна Игоревна ПЕРШИНА¹

Елена Николаевна ЭРТНЕР²

УДК 82.0

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В «ОЧЕРКАХ ИЗ ЖИЗНИ В СИБИРИ» Н. А. ЛУХМАНОВОЙ

¹ магистрант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
pershina.alena@rambler.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
e.n.ertner@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-1523-6561

Аннотация

Предметом рассмотрения настоящей статьи является литературный ландшафт Западной Сибири, получивший репрезентацию в «Очерках из жизни в Сибири» (1895) Надежды Александровны Лухмановой.

Актуальность данного исследования определяется возросшим значением изучения «локальных» текстов русской культуры, в том числе необходимостью более детального изучения феномена Сибири.

Новизна исследования мотивируется тем, что оно осуществляется в русле современной, активно развивающейся методологии, связанной с изучением геоэтики художественного текста, междисциплинарного методологического подхода, позволяющего

Цитирование: Першина А. И. Литературный ландшафт Западной Сибири в «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой / А. И. Першина, Е. Н. Эртнер / Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Том 6. № 2 (22). С. 48-63.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-2-48-63

рассмотреть особенности ландшафтного мышления писателя, выявить место очерков Н. А. Лухмановой в структуре «сибирского текста» русской культуры.

Мифопоэтика ландшафта в «Очерках» Н. А. Лухмановой рассматривается в контексте прозы рубежа XIX-XX вв. (Г. Успенский, К. Носилов). Литературным контекстом изучения «сибирских» текстов впервые становятся повести С. И. Карцевского. Географическая образность Западной Сибири реконструируется в рассматриваемых текстах с точки зрения филологического анализа, благодаря чему становится возможным определить особенности репрезентации Места в творческом мышлении конкретного писателя, выявить индивидуально-авторский взгляд на изображенный локус.

«Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой отражают различные точки зрения на ландшафт сибирского города. Географическая отдаленность, климатические условия, закрытый образ жизни старообрядцев формируют образ города-крепости, «страны за Камнем». Отраженный провинциальный уклад города разрушается на страницах «Очерков» с приездом купеческих детей, получивших образование в столице, ростом промышленности, прокладыванием железной дороги.

Сибирь в сознании приезжих предстает «глухим, гиблым местом», в то время как в восприятии сибиряков это «родная земля», «райский уголок». «Очерки» Н. А. Лухмановой отражают «двойную мифологему» Западной Сибири: это «чужое», закрытое пространство и одновременно «свое», «заповедное» и «тайное».

Ключевые слова

Геопоэтика, «сибирский текст», мифопоэтика ландшафта, Н. А. Лухманова, С. И. Карцевский.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-2-48-63

Введение

Актуальность данного исследования связана с активно развивающимся в литературоведении направлением по изучению локальных текстов русской культуры (В. В. Абашев, А. П. Люсьи, И. А. Разумова, К. В. Анисимов и др.). Углубление представлений о феномене того или иного региона позволяет, с одной стороны, расширить сведения о национальной культуре в целом и, вместе с тем, осмыслить поэтику места, отразить элементы региональной культуры. Не менее актуальной литературоведческой задачей является и изучение прозы Н. А. Лухмановой, петербургской писательницы, в чьем творчестве особенно ярко представлен ландшафт Западной Сибири конца XIX в., воссозданный на основе личных впечатлений автора. В настоящее время поэтика произведений Н. А. Лухмановой рассматривается в контексте женского вопроса и темы русско-японской войны, отраженных в произведениях писательницы (представители МГУ им. Ломоносова М. В. Михайлова, Т. В. Левицкая).

Цель настоящего исследования — выявление образно-символической структуры ландшафта Западной Сибири в «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой. В ходе анализа рассматриваются такие уровни ландшафта, как гео-

поэтика города, культурно значимые объекты (сибирский дом, усадьба, сад и др.), поэтика природного ландшафта, бинарные оппозиции. Важно отметить междисциплинарный подход, применяемый при изучении мифопоэтики Западной Сибири в «Очерках» Н. А. Лухмановой. Изучение художественного пространства как такового (работы М. М. Бахтина, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана) основывается, в том числе, на трудах по геософии и метафизике ландшафта (В. А. Подорога), анализе географических образов (Д. Н. Замятин, В. Л. Каганский и др.). Данный подход позволяет выявить не только устойчивые черты репрезентации ландшафта, но и индивидуально-авторский взгляд Н. А. Лухмановой на пространственную образность Западной Сибири рубежа веков.

Основная часть

Изучение пространства как категории литературоведения представляет особый интерес в отношении географической образности Сибири. В национальном культурном сознании ее облик трансформировался в течение четырех веков. Изначально воспринимаемая как отдельная «страна», Сибирь со временем обрела статус особо значимой части России. Двойственная семантика историко-географического образа Сибири определила неоднозначность ее восприятия в литературе. Порожденные антагоничные мифы о Сибири сформировали особый сверт-текст, отраженный в том числе в «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой.

Известная на рубеже веков переводчица, драматург Н. А. Лухманова в 1880-1885 гг. жила в Тюмени, куда она уехала вслед за мужем-сибиряком, направленным на строительство железной дороги. Муж Лухмановой был сыном тюменского купца Ф. Колмогорова, и писательница на пять лет стала вхожей не только в дом отдельной сибирской семьи, но и купечества в целом. Общаясь с сибиряками, она подмечала городские легенды, исторические предания, была внимательна к судьбам местных жителей и самого города. На основе своих наблюдений Лухманова написала несколько произведений: «В глухих местах», «Белокриницкий архиерей Афанасий», «Кержаки в тайге», «Переселенцы» (все они были объединены в переизданные в 1997 г. под общим заголовком «Очерки из жизни в Сибири»).

«Очерки» отражают личный опыт автора жизни «здесь», формируют индивидуально-авторский взгляд на пространство Сибири. Вместе с тем они входят в число «сибирских» текстов русской культуры и могут быть рассмотрены в более широком контексте — пространстве русской провинции.

Произведения, составляющие «провинциальный» сверттекст, изображают не конкретное место, а некую обобщенную действительность. «Образ провинции имеет не творческую, а знаковую природу и функционирует как „указание“ на некую условную провинцию... апеллирует он уже не к пространственному восприятию, а к литературному» [10, с. 43].

Наиболее типичным маркером «провинциальности» города выступает отсутствие у него названия либо выдуманное его обозначение (город N, Калинов и др.). Данный прием используется с целью создания иллюзии однородности и похожести всех провинциальных городов. В то же время отсутствие указания

на конкретный локус делает невозможным идентификацию города, определение его реального географического положения, благодаря чему изображенное пространство предстает как метафорическое.

Так, Н. А. Лухманова подвергает сокращению название города Тюмени — до «Т.». С одной стороны, данное художественное решение вполне соотносится с устоявшейся в литературе традицией обозначения уездных городов *N*. Однако Лухманова выбирает для номинации первую букву реального названия. Так в литературе XVIII в. было принято обозначать столичные города «П*» и «М*». Подобное сокращение позволяет, принимая во внимание используемые в «Очерках» топонимы, безошибочно определить город-прототип.

В названии самого романа, описывающего Тюмень и Тобольскую губернию, Лухманова, казалось бы, не отступает от традиций. «В глухих местах» указывает на пространственную неопределенность и обширность (места, а не конкретное место), отдаленность и неосвоенность (глухие, захолустные) территорий — стандартные признаки провинциального города. И в то же время выбранная автором предложно-падежная форма «*В* глухих местах» в некоторой степени нарушает целостность устоявшегося образа. Используемый предлог «в» определяет значение присутствия кого-/чего-либо или совершения каких-либо действий в пределах данного пространства. И тогда это не совсем «глухие» места: они воспринимаются нами через призму находящегося внутри них сознания.

Сибирь в художественном осмыслении — образ противоречивый. Истоки формирования мифопоэтического образа региона следует искать в истории освоения края и его географическом положении.

Сибирь есть провинция в истинном смысле этого слова — это территория, покоренная Российским государством в XVI в.; и воспринималась она долгое время именно как зависимая, находящаяся под властью России колония. Процесс обретения Сибирью суверенитета и вместе с тем ментального приобщения региона к стране проходил в течение четырех веков.

В начале XVII в., когда покоренной была только Западная часть Сибири, этот регион оставался малоизвестным и малоосвоенным, однако уже в это время становится понятно: приобщение данной территории сулит возможность обогащения. Дальнейшая история Сибири связана с массовой ссылкой неугодных крестьян, ставшей доминантой восприятия края; страх перед Сибирью был отражен и закреплён художественной литературой. Программа освоения региона отсутствовала и в начале XIX в., причиной чему являлись опасения власти перед независимым характером сибиряков: считалось, что переселившийся в Сибирь русский крестьянин, находясь в постоянном общении с инородцами, утратил национальные ценности. «Сибиряк забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя „российским человеком“» [9].

Вторая половина XIX в. ознаменовала новый этап отношений Российской Империи и сибирской колонии, значительное влияние в которых отведено Русскому географическому обществу. Великая Сибирская экспедиция (1856-1863) способствовала картографическому изучению и нивелированию сибирских тер-

риторий, что стало предпосылкой для прокладки здесь Транссибирской железной дороги. Стремление России совершенствовать свои транспортно-технические возможности повышало ее конкурентоспособность на мировой арене. И строительство железной дороги получило международную огласку: в 1893 г. Транссибирская магистраль была представлена на Всемирной выставке в Чикаго, в 1900 г. — в Париже. «Презентация... была полным успехом: бесконечной лентой тянулись виды сибирских ландшафтов на подвижных экранах за окнами вагонов... Они создавали таким образом для гостей, которые могли сесть в этот вагон, иллюзию путешествия по Сибири» [1]. Данное событие способствовало, во-первых, желанию путешественников отправиться по новой дороге к неизведанной стороне, а во-вторых, закрепило представление о Сибири как неотъемлемой части России. Вместе с тем свое развитие получило т. н. областничество: Сибирь стала освещаться (прежде всего в публицистике) как богатый, цветущий край, должный стать свободным и активно развивающимся.

Таким образом, первоначальное восприятие Сибири «извне» как отдельной, «чужой» страны, населенной «дикими сибиряками», «места каторги и неволи», сменяется на взгляд «изнутри» как на «свое», освоенное пространство, дарующее несметные блага и отличающееся особой силой местных жителей.

Бинарность образа Сибири становится отличительной чертой «сибирского» текста, репрезентирующего данное пространство. Несмотря на то, что по принципу бинарности, антитезы построены все провинциальные тексты, особенность мифопоэтики Сибири заключается в полисемантической абсолютно всех уровней данного художественного пространства.

Природный ландшафт

Основной характеристикой климата Сибири является «лютый зимний холод» [4, с. 33]. Зиму, холод и снег должно признать константой сибирского пейзажа: «становилось всё холодней и холодней» [3, с. 93]; «стояла прочная зима, лежал снег» [3, с. 61], «сыпал непрестанно колючий снег, и свистел ветер» [3, с. 86]. Холод настолько всеобъемлющий, что «замораживает» даже солнце: «под холодными лучами зимнего солнца» [4, с. 85], «холодное, бледное солнце» [4, с. 23].

Однако при всей своей суровости природа Сибири чрезвычайно живописна, изобилует растительностью и животным миром. «Там мох, что твоя перина пуховая, а уж птичьих песен, звездных ночей, зорек розовых, гроз громовых — этого языком не передать сибирскому бродяге, а только всё это лелеет его душу и неудержимо тянет к себе» [4, с. 28].

Тайга — главный пространственный образ Сибири; взгляд приезжего из любой точки направлен на лес, который предстает перед героем стеной. И этот незнакомый ландшафт поражает сознание героя: «Головокружительно огромные деревья встали со всех сторон, сонные, сумные» [3, с. 106]; «...долго всматривался учитель в недвижную стену векового леса. Глубокое, ровное и спокойное чувство наполнило сердце. Так это тайга!» [3, с. 76]. Но в то же время Западная Сибирь — это равнина, простирающаяся на все стороны. Простор сибирских

территорий кажется бесконечным и создает ощущение пустоты, незащищенности: «...один среди бесконечного поля... И сзади, и с боков набежала на меня белая пустыня, холодом впивается мне в грудь, режет лицо» [3, с. 19].

Однако пространственные образы тайги (леса) и тундры (равнины) наделяются в «сибирском» тексте и другими коннотациями. В сознании путешественника Носилова простор сибирских территорий — свобода, в то время как лес — колония: «и он (вогул Савва) жил, не выходя из нее, не желая нарушать покой своей души, прячась в лесу, даже не выезжая на простор могучей Оби, как делают это почти все другие обитатели его края, словно желая вздохнуть простором, дать свободу задавленному лесом уму и воле» [5].

В «Очерках» Н. А. Лухмановой бинарным становится само пространство тайги. Жутким предстает оно в контексте зимнего пейзажа: «когда сильный ветер бушевал в ней [в тайге], она колотилась своими обледенелыми иглами и выла протяжно, долго, как стая голодных волков» [4, с. 52]. В то же время в тайге воплощен образ земли-кормилицы: «Там в густой тайге чуть не у каждого была припасена своя нора „про всякий случай“. Ружье, порох, рубленый свинец, запас муки да соли — вот основное богатство варнака, всё остальное даст лес» [4, с. 33]. Становится тайга и последним пристанищем сибирячки Фелицаты.

Бинарность природного ландшафта Западной Сибири заключается, таким образом, в сочетании губительного холода и чрезмерных природных богатств, дихотомии пространственных образов тайги (леса) и тундры (равнины) и неоднозначности наделяемых ими характеристик. Географическое положение Сибири по отношению к остальной части России позволяет выявить и другие коннотации данного пространственного образа.

Лиминальность пространства (В. Тюпа)

Важную роль в восприятии Сибири как части России играет фактор недоступности территории: существует естественная граница между Сибирью и Европейской частью России.

Географическая граница в виде Уральских гор мифопоэтически рассматривалась как место перехода в другой мир. Акцентируем внимание и на отмеченных ранее особенностях Сибири: место каторги, ссылки, долгие зимы, невыносимые холода — всё это формирует мифологический образ загробного пространства, страны мертвых.

Яркое изображение Сибири как «царства мертвых» представлено в «Поездках к переселенцам» Г. И. Успенского: «В мертвой тишине мертвой тайги слышно хрустение человеческих костей, — лакомится какая-то хищная тварь мясцом человечьим» [8].

Эпитетом «мертвый» наделяется и снег («даже теней нет на мертвом снегу» [3, с. 14]), и тишина («шаги учителя отдаются в мертвой тишине» [3, с. 103]). Отсутствует жизнь и в самом сибирском городе: «Зимой городок заметало снегом, над ним выли вьюги, и ни души не показывалось на улицу... всё вымирало и вымерзало» [3, с. 24]. Смерть на территории Сибири не только метафора. В «Очерках» Лухмановой мертвыми не в переносном, а в прямом смысле слова

становятся многие герои. Фелицата не находит сил избавиться от греховной любви и отдает богу душу в сибирской тайге. Старик Самсон Силыч из ревности рассекает топором голову невестки, за что сын заживо заколачивает его в скрыне. Жестоко убивают еврейскую семью, а их дочь наутро находят повешенной на остоле ворот. Рождается мертвым ребенок Василисы, вслед за которым уходит и она сама. И это далеко не полный список трагических историй, произошедших на сибирской земле.

В то же время В. И. Тюпа, размышляя о «фундаментальной могильности» сибирского пространства, отмечает: «...это вообще отнюдь не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти. <...> Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [7].

С этой точки зрения, Сибирь всё так же воспринимается как иной мир, однако «иной» в данном контексте значит не «мертвый», а, напротив, сулящий новую жизнь. И действительно, «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой отражают перерождение сознания тех героев, которые открывают для себя мир Западной Сибири.

Стекаются в Сибирь из разных уголков России переселенцы. Как ни чужда им эта «сторонюшка», надежда на лучший заработок в богатом сибирском крае прибывает к общему движению. В центре очерка «Переселенцы» Лухмановой история Настасьи Нефёдовой. Переход через границу Сибири оказывается губительным для ее отца. Смерть единственного близкого человека оставляет девушку один на один со ставшим враждебным пространством Сибири; наплывает тоска по родным местам. Однако разговор с дедом Захаром меняет представление Насти о смерти и открывает новые грани сознания: слова старика направили ее мысли в сторону Андрея с тремя сиротами ребятишками; и плакать стало стыдно. Настасья видит своим предназначением разделить нелегкую долю вдовца: «И до самого утра, до светлой розовой зорьки сидели на крылечке, обнявшись, Настя с Андреем, и не страшно им было, что увидят их люди: чисты были их сердца, чисты помыслы, в одну радость слили они два горя и любовь свою, что шатер верный, над головами детей раскинули» [4, с. 287]. Таким образом, для Настасьи *переселение в Сибирь стало обрядом инициации*: она переживает испытание смертью отца и вместе с тем обретает новые для себя качества жены и матери.

Путь духовной инициации проходит и белокриницкий архиерей Афанасий из одноименного очерка Н. А. Лухмановой. В прошлом беглый солдат, воспитанный на старообрядческих книжках, он освоил поповское ремесло. Правил Афанасий служения, читал проповеди, и авторитет священнослужителя стал непоколебимым. Стал лже-архиерей без зазрения совести наживаться на старообрядческой вере. Однако будучи гостем в доме сибирских старообрядцев, он чуть не был пойман исправником. Хозяйка дома Устинья Евграфовна вывела Афанасия через подземный ход. В подполье было тихо и пусто; отец Афанасий

чувствовал себя здесь тревожно и даже вздрогнул, почувствовав на себе пристальный взгляд Богородицы на старинной иконе.

Финал очерка посвящен преобразению Афанасия, он выходит из подполья другим человеком: «отпала от него гордыня, ложь, и страстно хотелось ему отстрадать и очиститься» [4, с. 277]. В данном случае перерождение героя происходит путем перехода из подземного пространства, признанного в мифологии хтоническим. Нижний мир связан со смертью, но дарующая силы земля меняет взгляд на подземный мир как на место воскрешения. Для беглого варнака Афанасия *Сибирь стала «чистилицем»*; пристальный взгляд изображенной на иконе Богородицы и «свежий смолистый запах леса» словно избавили его от греховных помыслов.

Сибирь, таким образом, является пороговым (лиминальным) пространством, связанным одновременно с умиранием и воскресением. Мифологема смерти позволяет рассматривать Сибирь как метафорический образ ада. И в то же время Сибирь видится обетованной землей, пребывание в которой сопровождается внутренним перерождением, что позволяет воспринять ее как рай.

Сакральные ландшафты

Представление о Сибири как эдемском пространстве получает свое развитие в образе утопического религиозного пространства, богом хранимого места. После церковной реформы Патриарха Никона Западная Сибирь стала пристанищем для приверженцев старой веры. Кержаки бежали в Сибирь от преследований, стараясь сохранить веру отцов и традиционные нравы. Изображение старообрядческой Сибири сопряжено с поэтикой «тайного» места. Первые тайные общины староверов стали возникать в Сибири в конце XVII в. Когда гонение старообрядцев стало массовым, в Сибири появилась целая сеть тайных убежищ, скитов. Старообрядчество стало особой формой колонизации в Сибири. Однако в течение долгого времени правительство подвергало кержаков репрессиям, что вынуждало староверов осваивать новые территории, подчас довольно отдаленные, а в случае если военные отряды обнаруживали скиты, старообрядцы предавали себя в них самосожжению [6]. Данный обычай находит свое отражение и в романе «В глухих местах»: не желая отдавать свою святую землю под строительство железной дороги, старообрядцы всей улицей поджигают свои дома.

Сокрытие в самой гуще сибирских лесов позволяло кержакам крепко обосноваться и вести размеренный образ жизни: строились дома, велось хозяйство, совершались в построенных часовнях богослужения. Поселения старообрядцев воплощают в себе модель рая; они словно находятся в райском саду, роль которого выполняет сибирская природа. Так описывает Лухманова окружение старообрядческого селения Берёзовоярского: «Там тихо, мягко, как серебряные блюда в зеленой бархатной оправе, лежат громадные озера; днем в них купается солнце, ночью в искрящейся зыби играет таинственный месяц...» [4, с. 176]. В абсолютно сказочной манере воссоздается образ сибирской тайги, скрывающей в своих лесах богоугодное, оторванное от всего мира поселение старообрядцев.

Вход в этот райский уголок закрыт не только на пространственном, но и на вербальном уровне: «„Господи Иисусе“ — шепчет нищий, прохожий, заблудший человек, стуча подожком в открытую втулку избы, и с ответным „аминь“ открывается оконница для потайной милостыни, неведомая рука выдает посильное приношение. Без этой молитвы долго может стучать путник в ворота или калитку: никто не откликнется ему, ибо не призвал он Господа в помощь себе» [4, с. 177].

Старообрядчество наделяет Сибирь свойствами сакрального, священного места. «Очерки из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой отражают устоявшуюся мифологему, и в то же время взгляд «изнутри» демифологизирует религиозный образ края.

Стремление обезопасить свою территорию от проникновения «чужого» гиперболизировано показано Лухмановой при описании старообрядческих домов. Дом старообрядцев Глазовых, находящийся на самом обрыве, «угрюмо и неприязненно смотрел своими подслеповатыми окнами» на реку. До захода солнца двери и окна дома закрывались тяжелыми ставнями снаружи и деревянными щитами изнутри. Вход в дом, располагавшийся со стороны пустыря, преграждали высокий забор и всегда запертые ворота.

Хранителем старой веры выступала в доме Глазовых дальняя комната, служившая молельной: в ней висели лампы, стояли иконы, лежали священные книги и ежедневно читались молитвы. Главной особенностью дома было подполье, предназначавшееся, по старообрядческим обычаям, для добровольного ухода из жизни. От поколения к поколению держались Глазовы истинной веры.

Формально дом семьи Глазовых, с точки зрения следования традициям старой веры, можно признать показательным. Между тем хозяин дома Самсон Силыч, услышав голос доктора Воцанова, ведущего любовные речи с невесткой Самсона Василисой, нарушает заветы отцов — чувство ревности вынуждает его выйти из скрыни: «невиданное, неслыханное то было дело — надругался старик над крепкой верой предков, накость, какое дело, из скрыни!» [4, с. 107]. В этой некогда святой обители совершается и еще один грех: Самсон Силыч убивает Василису топором по голове. А затем сын Самсона, Парамон, став свидетелем этого страшного суда, заколотил отца в скрыни, повесил на двери дома большой замок и скрылся в дальний скит.

Семиотика пространства скрыни и самого старообрядческого дома как святого места разрушается: оно не выполняет основной своей функции, не становится убежищем.

Неоднозначный характер следования старой вере прослеживается и в историях других героев Лухмановой. Так, младший сын купца Круторогова Иван с детства обучался старообрядческой вере по старинным книгам и к восемнадцати годам стал темным старовером, следующим до мелочей религиозным обрядам. Однако его поклоны перед иконами, зажигание свеч и молитвы характеризуются неосознанностью; Круторогов-младший машинально воспроизводит отточенные действия, а после «условного числа поклонов» перед иконами он достает перцовку и наливает ее в лампаду. Осознав грех винопития, Иван вновь кается, и так по кругу.

Разворачивается в старообрядческом селении Берёзовоярском личная драма православной девушки Варвары, ставшей невесткой старообрядческой семьи. Даже сильная любовь Варвары к кержаку Илье не смогла привить ей тех же чувств к укладу старообрядцев: их обычаи, работа, праздники, молитвы — всё было чужим. Чувствуя на себе грех предательства собственной веры и осознавая невозможность жить по православным обычаям, девушка родила мертвого младенца и сама оказалась при смерти. А ее муж, кержак Илья, выполняя последнюю волю жены, отвозит ее домой на покаяние священнику, предавая тем самым свою старообрядческую веру и отрекаясь отныне и навсегда от отчего дома.

Сакральный ландшафт представлен в «Очерках» Н. А. Лухмановой не только скитами старообрядцев, но и Ивановским монастырем. Рассмотрим образ монастыря в контексте судьбы Фелицаты, героини романа «В глухих местах». Будучи замеченной в любовной связи с приезжим инженером Вязьминым, героиня направляется свекровью в Ивановский монастырь. В сознании Фелицаты это место предстает в образе страшного суда, героиня не способна избавиться от мучающих ее греховных мыслей. В стенах святой обители «мужняя жена» видит кошмарный сон, который вызывает у нее истерический припадок.

Вместо духовного очищения Фелицата, находясь в монастыре, обретает только тревожащие душу мысли. Истинное спокойствие героиня чувствует вне стен Ивановского монастыря. Выйдя в лес, девушка очаровывается его красотой, окутанная «истомой блаженства», она отдает богу душу в сказочном пространстве тайги. Лухманова разрушает устоявшееся представление о сакральности монастырского ландшафта: модель канонического поведения разрушается, героиня не находит в нем душевного покоя, в то время как вне стен монастыря происходит подлинное очищение души и помыслов.

Сакральный ландшафт Сибири, таким образом, дихотомичен. Парадоксальным образом истинная вера старообрядцев оказывается тесно связанной с греховностью. Мир старообрядцев реализует поэтику «тайного» места в образах «тайников», «скрытых часовен», «тайных бесед», «рукописных раскольниковых книг» и в то же время раскрывает мотив «глухого места» («высокий глухой забор», «наглухо запертые ворота», «темная пасть подполья») — глухого и к страстям самих старообрядцев.

Религиозная семантика монастырского ландшафта становится в «Очерках» Лухмановой неотъемлемой характеристикой ландшафта природного, а пространство монастыря утрачивает черты сакрального.

Усадебный ландшафт

Помимо религиозной, в Сибири протекает и насыщенная мирская жизнь, основу которой составляет купеческий слой общества. Купечество являлось самым просвещенным и состоятельным сословием, что выразилось и в обустройстве купеческих жилищ.

Богатство купеческой усадьбы отражено в описании дома купца Круторогова (прототипом которого стал свекор писательницы Ф. С. Колмогоров). На

выходящей во двор галдарейке доказательства благосостояния владельцев — ковры из коровьей шерсти, подушки в персидских наволочках; а перекинутые перины наделяются повествователем сравнением с «купчихой после сытного обеда». В то же время открытый двор — лишь часть купеческой усадьбы, индивидуальные черты усадебного ландшафта проявляются в обустройстве самого особняка и внутреннего двора.

Закрытая от посторонних часть усадьбы Круторовых — сад. Он «посещался только своими домашними да близкими гостями». Особая атмосфера сада выражается в отнесенных к нему эпитетах: «укромный уголок», «приятная духовитость» и употребляемых при описании сада словах «гостьюшка», «шкафчик», «замочек», «сыночки» и др. Здесь, в отличие от выходящей во двор галдарейки, скромная обстановка: протертый диван, створчатый стол и шкафчик. Так выглядит женская половина дома, в обустройстве которой проявляется заботливая рука хозяйки, Настасьи Петровны.

Мужская половина дома представлена кабинетом хозяина, купца Круторогова. Это пространство многофункционально: оно служит и местом хранения купеческих вещей («сундуки с разным добром»), отдыха (комфорт подчеркивается фразой «здесь тепло, как в бане») и работы («громкая конторка, за которой он сам сводил счета своих кожевенных заводов» [4, с. 37]).

Особая роль в усадьбе Круторовых отводится кухне. Это помещение стоит отдельно от купеческого особняка и является местом сбора как работников дома, так и жителей различных сословий. Купеческие дома в Сибири отличались особой щедростью, здесь каждый нуждающийся наделялся хлебом насущным. И на круторововской кухне всегда что-то готовится и подается на стол.

Ландшафт купеческого дома, представленный в «Очерках», включает в себя традиционные локусы (дом, сад, флигель, кухня), отражает символику богатства купеческого дома (персидские наволочки, сундуки) и воссоздает уклад жизни хозяев и рабочих.

Однако Сибирь долгое время была обособлена от европейской части России, и здесь сформировались свои особенности усадебного ландшафта. В отличие от загородного типа европейской усадьбы, сибирские купеческие дома изначально строились как городские, поэтому и круторововский дом функционирует как контора. Садовый ландшафт сибирской усадьбы в каждом конкретном случае носит индивидуальный характер. В Сибири было не принято обустраивать сад по готовым архитектурным решениям. В связи с этим внутренняя композиция усадебного ландшафта формировалась самими хозяевами: «Среди лужаек стояли три стройных темно-зеленых кедра, посаженных Артамоном в честь трех сыновей» [4, с. 16].

Сибирская усадьба в «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухмановой отражает два антагоничных мифа. Высокая ограда дома, служащая защитой нажитого богатства, наделяет дом свойствами крепости. Большое количество служилых людей, обстановка внешней части двора подчеркивают особый статус владельцев усадьбы. В то же время повествователь открывает читателю внутреннюю, закрытую от посторонних глаз, часть дома. Уютная кухня, женская

половина в виде укромного сада и мужская, в которой купец ведет свою работу — всё это отражает особый уклад жизни сибирской семьи.

Геопоэтика ландшафта

В «Очерках из жизни в Сибири» Н. А. Лухманова, воссоздавая освоенную ей самой пространственную реальность Тобольской губернии, использует реальные топонимы — Екатеринбург, Тобольск, Берёзовоярское, Ивановский монастырь. Находят свое отражение и значимые для региона объекты — стеклянный и кожевенный заводы, железная дорога.

Центральным локусом в романе «В глухих местах» является город Тюмень. Лухманова воссоздает его геопанораму за счет передвижений героев. Въезжают в город по «замерзшей ленте реки» Т. (Туры) гости из Пашенки. Дьякон Савка держит свой путь по Царской улице. В Заречье Иван Емелькин «летит в воду» с берега. За р. Тюменкой стоят кожевенные заводы тюменских купцов.

С особой точностью передана Лухмановой атмосфера Заречья, промышленного района Тюмени. Кожевенные заводы придавали этой территории особый колорит: запах, выделяемый кожей, был настолько неприятный, что его могли вынести только жители Заречья. С трудом переносят приезжие и тишину города: «Жуткая, чужая тишина стояла кругом его» [4, с. 97]. То же чувство испытывает петербургский инженер Вязьмин: «Молчание же этого чужого города, казалось ему, было полно какого-то смутного недоброжелательства» [4, с. 113]. Недоброжелательно выглядят и сам город. Забор кожевенного завода Круторогова «бесконечный» и «высокий», «выкрашен в цвет крови». Окруженный лесом стеклянный завод Овечкина и вовсе «с гвоздями и битым стеклом наверху». За воротами заводов «день и ночь» слышался «лай собак». Создается образ не просто закрытого, но и опасного, враждебного города.

Однако внутри сибирских домов атмосфера совсем не похожа на угнетающий внешний вид города. Во время домашних встреч нелюдимые сибиряки предстают веселыми и открытыми: в доме Крутороговых «хохочут, обнимаются, лобызаются и пьют»; сад Нефёдовых полон «смеха, песен, крика и говора» [4, с. 153]. В «Очерках из жизни в Сибири» предметом изображения становится национальный характер сибиряков, что разрушает устоявшееся об этом народе мнение (как о варварском и диком).

Особенностью изображения сибирского города Лухмановой является обособленный характер окружающего его мира природы.

Поэтика природного ландшафта «Очерков» отличается обилием фольклорных символов: «поднялась трава зеленая», «выкатился полный месяц», «зачикали воробушки». Используемые повествователем глагольные формы олицетворяют природу: «из леса вырвался первый утренний ветерок и пробежал по реке» [4, с. 94], облака «неслись по небу, догоняли друг друга» [4, с. 115], «бежит речонка Пагуба» [4, с. 79].

Антропоморфизм прослеживается и в изображении тайги: «у стройных елей все пальцы были обернуты искрящимся инеем» [4, с. 35]. Природа в романе

субъективируется, имеет свой «голос»: река «зашумела под окном резвыми волнами» [4, с. 87], «глухая тайга... выла протяжно» [4, с. 52], «лес оживает и голосит нагрывшимися в него гостями» [4, с. 35]. Она словно имеет душу, способна чувствовать: «поднялось выше солнышко и осветило дорогу проезжую, и приласкало лучами своими богатырский труп беглого дьякона Савки» [4, с. 85], «бледные звезды, как испуганные, мелькали то тут, то там и снова прятались за тучи» [4, с. 115], «с ветвей срываются красноглазые глухари, затоковавшиеся до одури про любовь» [4, с. 37].

Ландшафт сибирского города в «Очерках из жизни в Сибири» Лухмановой отражает устоявшийся в литературе конфликт «своего» и «чужого», построенный на взаимосвязи локусов и героев. Для сибиряков, живущих на этой земле, «своим» является купеческая часть города и пространство леса (именно поэтому Фелицата, Парамон и варнаки уходят в тайгу в поисках лучшей доли, в надежде на душевное спокойствие). Тайга явлена в «Очерках» как сказочное пространство, наделенное чертами сакрального. Эти пространственные образы имеют отличительные черты на уровне обоняния (запах одубины в Заречье) и звуков (пение птиц). Если природный ландшафт предстает в «Очерках» через призму сознания местных жителей, то город дан Лухмановой в восприятии приезжих, для которых звуки (лай собак) и запахи города невыносимы: Тюмень в их представлении — «агрессивный», «чужой», «закрытый» город.

Однако, с точки зрения сюжетного уровня, мы можем найти в «Очерках» и момент пересечения «своего» и «чужого» взгляда на Сибирь. Интересна в этом отношении история героев романа «В глухих местах» сибирячки Фелицаты и петербуржца Вязьмина. Их отличает не только принадлежность к разным территориям (Тюмень и Санкт-Петербург), но и социальное положение (если Вязьмин — образованный столичный инженер, то роль Фелицаты сводится лишь к статусу жены тюменского купца). Но это не мешает героям проникнуться взаимными чувствами.

Рассмотрим ситуацию пребывания Вязьмина в саду, примыкающем к занятой им усадьбе, в контексте лесного пейзажа, воспринимаемого Фелицатой. В обоих случаях герои сидят, смотря на небо через сетку ветвей; тишину окружающего их пространства нарушают «испуганные птичьи голоса» и «пронзительное карканье» вороны; а главное, и Фелицата, и Вязьмин чувствуют себя словно в «сказочном царстве». И хотя пространство сибирского города предстает «своим» для Фелицаты, но «чужим» для инженера Вязьмина, они оба ощущают сказочность ландшафта (неба, деревьев, птиц), и это во многом объясняет сближение героев на чувственном уровне.

Заключение

В течение пяти лет, проведенных в «глухих местах», Лухманова погружалась в быт сибирской семьи, становилась свидетельницей городских событий, подмечала уклад старообрядцев. Всё это позволило ей отразить природно-пространственную семантику Западной Сибири с т. н. позиции «над». Лухманова

воссоздает образ Сибири в контексте двух антагоничных мифов, и точки зрения «своего» и «чужого» оказываются связаны настолько, что дать однозначную характеристику края — рай или ад — невозможно.

С одной стороны, мифопоэтика Сибири в «Очерках» соотносится с традиционным представлением о ней как о «мире мертвых»: жестокие деяния варнаков, лютый холод, смрад одубины, запертые ворота. В то же время природное богатство региона, живописно-сказочный пейзаж, сакральные места старообрядцев создают образ эдема, обетованной земли.

В «Очерках» нет четко противопоставленных (со знаком «+» и «-») полюсов ландшафта Сибири. Даже отдельно взятый объект сибирского ландшафта становится полисемантическим (тайга, «воющая, как стая волков», та же, что и тайга-матушка, заступница).

Пространство Сибири воспринимается читателем комплексно, и цель его изображения — ремифологизация Западной Сибири. Лухманова не ставит перед собой задачу разрушить устоявшийся в литературе взгляд на Сибирь; на границе позиции «извне» и «изнутри» она создает новый миф о Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайс К. Русское географическое общество и создание образа Сибири XIX века / К. Вайс // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 59-74.
2. Замятин Д. Н. Русская усадьба: ландшафт и образ / Д. Н. Замятин // Вестник Евразии. 2006. № 1. С. 70-91.
3. Карцевский С. И. Из прошлого, из далекого / С. И. Карцевский. М.: Ridero, 2018. 212 с.
4. Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири / Н. А. Лухманова. Очерки из жизни в Сибири: избранные произведения / сост. Ю. Л. Мандрики; пред. К. Я. Лагунова; прим. Н. Ф. Швейбельман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 464 с.
5. Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски / К. Д. Носилов; сост. Ю. Л. Мандрики. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
6. Покровский Н. Н. Освоение Сибири и старообрядчество / Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова // Всероссийский экономический журнал. 2011. № 2. С. 168-181.
7. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
8. Успенский Г. И. Очерки переходного времени / Г. И. Успенский. М.: Директ-Медиа, 2016. 1127 с.
9. Шахеров В. П. Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социокультурного пространства Сибири / В. П. Шахеров // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 50-57.
10. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века / Е. Н. Эртнер. Тюмень, 2005. 211 с.

Alyona I. PERSHINA¹

Elena N. ERTNER²

UDC 82.0

**THE LITERARY LANDSCAPE OF WESTERN
SIBERIA IN N. A. LUKHMANOVA'S
"ESSAYS FROM THE LIFE IN SIBERIA"**

¹ Master Student,
The Russian and Foreign Literature Department,
University of Tyumen
pershina.alena@rambler.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
The Russian and Foreign Literature Department,
University of Tyumen
e.n.ertner@utmn.ru; ORCID: 0000-0003-1523-6561

Abstract

The subject of this article is the literary landscape of Western Siberia, which was represented in "Essays from life in Siberia" (1895) by Nadezhda Aleksandrovna Likhmanova.

The relevance of this research is determined by the increased importance of studying "local" texts of Russian culture, including the need for a more detailed study of the phenomenon of Siberia.

The mythopoetics of landscape in N. Likhmanova's "Essays" is considered in the context of prose of the turn of the 19th-20th centuries (G. Uspensky, K. Nosilov). The literary context of the study of "Siberian" texts for the first time includes the stories by S. I. Kartsevsky. The geographical imagery of Western Siberia is reconstructed in the texts under consideration from the point of view of philological analysis, which allows determining the features of representation of the Place in the creative thinking of a particular writer and identifying the individual author's view of the depicted locus.

"Essays from life in Siberia" by N. Likhmanova reflect different points of view on the landscape of the Siberian city. Geographical remoteness, climatic conditions, and the closed way of life

---

Citation: Pershina A. I., Ertner E. N. 2020. "The Literary Landscape of Western Siberia in N. A. Likhmanova's 'Essays from the Life in Siberia'". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 6, no. 2 (22), pp. 48-63.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-2-48-63

---

of old believers form the image of a fortress city, “the country behind the Stone”. The reflected provincial way of life of the city is destroyed on the pages of “Essays” with the arrival of merchant children who were educated in the capital, the growth of industry, the laying of the railway.

Siberia in the minds of newcomers appears “a remote, lost place”, while in the perception of Siberians it is the “native land”, “Paradise”. N. Lukhmanova’s “Essays” reflect the “double mythologem” of Western Siberia: it is “alien”, closed space and at the same time “one’s own”, “reserved”, and “secret”.

Keywords

Geopoetics, “Siberian text”, landscape mythopoetics, N. A. Lukhmanova, S. I. Kartsevsky.

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-2-48-63

REFERENCES

1. Vays K. 2012. Russian Geographical Society and the Creation of the Image of Siberia of the 19th Century. *Siberia: a look from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space*, pp. 59-74. [In Russian]
2. Zamyatin D. N. 2006. “Russian estate: landscape and image”. *Bulletin of Eurasia*, no. 1, pp. 70-91. [In Russian]
3. Kartsevskiy S. I. 2018. *From the past, from the distant*. Moscow: Ridero, 212 pp. [In Russian]
4. Lukhmanova N. A. 1997. *Essays from the life in Siberia. Essays from the life in Siberia: Selected works*. Tyumen: SoftDesign, 464 pp. [In Russian]
5. Nosilov K. D. 1997. *At the Voguls: Essays and Drafts*. Tyumen: SoftDesign, 304 pp. [In Russian]
6. Pokrovskiy N. N., Zolnikova N. D. 2011. “The development of Siberia and the Old Believers”. *All-Russian Economic Journal*, no. 2, pp. 168-181. [In Russian]
7. Tyupa V. I. 2002. “Mythology of Siberia: on the issue of the ‘Siberian text’ of Russian literature”. *Siberian Philological Journal*, no. 1, pp. 27-35. [In Russian]
8. Uspenskiy G. I. 2016. *Transitional Essays*. Moscow: Direct-Media, 1127 pp. [In Russian]
9. Shakherov V. P. 2004. *Between West and East: the interaction of cultures as a factor in the formation of the economic and sociocultural space of Siberia. Siberia: a look from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space*. Irkutsk, pp. 50-57. [In Russian]
10. Ertner E. N. 2005. *Phenomenology of the province in Russian prose of the late XIX — early XX century*. Tyumen, 211 pp. [In Russian]